

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1919

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.

Н. Я. Марра.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 19 марта 1919 г.).

ХІ.

1. h. borot «прокаженный» и г. borot-1 «бѣшенный; гнѣвный; злой; лукавый; больной» || а. г. a-mriz-+eb-ul-1 «разъяренный» || б. г. braz-1 «бѣшенство»; — 2. арм.-h. qayl «шагъ» || qel-va «опираться ногами» и г. gwale «ходить»; — 3. арм.-h. ɖaǰǰ-el > ɖaǰ-el «удариться» || h. ɖaǰɖaǰ-el «ломать, крошить» и г. ɖaǰ-+eb-a «удариться» || || ч. on-ɖaǰ-и «бить, колотить»; арм. ʃaǰ-el || h. ʃeǰq-el и г. ʃeǰ-a; арм. traǰ-el и м. terǰ || ч. troǰ; — 4. h. erkig raganel «бить [челомъ] землю» > «поклоняться», «цѣловать» и г. ʒav-kwanis-ʒema-y «головою землю бить» > «поклоняться».

1. На связь h. borot съ г. borot-1 настойчиво обращаютъ внимание всѣ лексикографы, начиная съ мыхитаристовъ, составителей Большого Армянскаго словаря (Венеція 1836), и Чубинова, автора Грузинскаго словаря (Петроградъ 1840), вплоть до яфетидолога І. А. Кипшидзе, занесшаго грузинское слово borot-1 *злой* въ древнегрузинско-русскій словарь *Грузинской древнелитературной хрестоматіи* (Петроградъ 1918).

Между тѣмъ армянское прилагательное borot *прокаженный* случайно созвучно съ г. borot-1 *бѣшенный, злой* и т. д., разъ оно происходитъ отъ слова арм. bog *чесотка* съ помощью суффикса -ot, какъ отъ арм. qos *чесотка, парш* въ ново-армянскомъ qos-ot *чесоточный*, при этомъ слово qos представлено еще разновидностью qog- въ основѣ наличнаго и въ древнелитературномъ языкѣ армянъ глагола qog-em *чесу*, а въ современной народной ихъ рѣчи и самостоятельно въ выраженіи qog gal *чесаться*, букв. «приходить въ чесаніе > чесотку». Въ то же время bog || [*gog^h] qog это два вида одного и того же слова, распределяемые между найскимъ и армян-

скимъ такъ же, какъ въ грузинскомъ—1. burka || gurka *косточка*, 2. bođal || *gođal < kodal *стрѣла*, 3. brtkil || grtkil < prtkil || krtkil *блота* и т. п. Такія парныя слова являются вкладомъ двухъ фонетическихъ теченій, характеризуемыхъ закономъ о перебоѣ по послѣдующей, предусматривающей и историческое развитіе формулъ: p || k > b || g > φ || q.

И всетаки мы не можемъ быть увѣрены въ томъ, что между h. bog-ot *прокаженный* и др.-л. г. bogot *злой* нѣтъ генетической связи, если особенно въ bog || qog — остатокъ стянутой формы спирантной разновидности *bogφ, двойникъ полногласнаго *bogoφ.

Слово представляетъ независимо отъ звуковой стороны особый интересъ семасіологическій.

Семасически хайскому слову bogot у грузинъ въ древнелитературномъ языкѣ соответствуетъ то spet-ak *бѣлый* (*Исх.* 4,6)¹, то kedr-o-van *прокаженный* (*Лев.* 13,44; 14,1, *Мѡ* 26,6). Послѣднее слово, также прилагательное, имѣетъ параллельную форму kedr-1-an-1, и оба они произведены съ помощью двухъ разновидностей одного и того же суффикса, нѣкогда означавшаго «сынъ» (-van || -v'an), отъ имени существительнаго ked+г-1 *проказа*². Въ свою очередь отъ kedrovan-1 *прокаженный* произведено слово въ формѣ отвлеченнаго понятія—kedrovan+eb-a-y, обыкновенно въ армянской версін передаваемое словомъ borotuđwn (*Лев.* 13, 8, 9, 11, 15, *Мѡ* 8, 3), но иногда ему соответствуетъ въ грузинской версін si-spetak-e *близна* (*Лев.* 13, 12, 13).

Однако и основа самого простаго вида существительнаго kedr — производная съ помощью образовательной частицы -г. Показатель множественности по происхожденію, функціонально эта образовательная частица -г есть суффиксъ для производства какъ прилагательнаго отъ сущ. имени, напр. ѓеѓ-г «бѣлый» отъ *ѓеѓ- || м. ѓиѓ-а *луна*, такъ существительнаго отъ глагольной основы, напр. г. ked-г *сторона* отъ ked-, resp. koda- (ср. ked-el или ked-ar-o)³, qwed-г *удьль, судьба* отъ qwd и т. п. Чпстая основа ked-, такъ же глагольная, и означаетъ *быть бѣлымъ, близна*; въ ней разновидность съ грузинской перегласовкой мегрело-ѓанской основы kaѓ-: ѓ. a-kaѓ-сн koѓ-1s *человѣкъ съдѣетъ*, букв. по первоначальному моему пред-

¹ *Лев.* 13,13 и въ арм. версін вм. bogot читается еще spit-ak въ соответствіи г. spet-ak, но здѣсь таково чтеніе («бѣлый») и въ сир. (ܫܦܬܐ), и въ греч. (λευκός), и евр. (לָבֵן) текстахъ.

² О происхожденіи гласнаго -о- || -і-, кажущагося соединительнымъ, рѣчь будетъ особо.

³ Н. Марръ, *Неподатный источникъ исторіи Кавказскаго міра*, ИРАН 1917, 317.

положенію¹ — «у человекѣ (волось, голова) *ბლმტვ*», иногда и съ при-
бавленіемъ синонимнаго слова «бѣлый», въ чанскомъ — *qше > qше || qше*,
въ мегрельскомъ — *ჟე*, что однако можетъ означать не только «бѣлый»,
по и «бѣлизна», «сѣдина», судя по употребленію слова у грузинъ,
заимствовавшихъ его съ естественной для нихъ замѣной *ჟ*, звука ши-
пящаго порядка, эквивалентомъ свистящаго ряда — *ჟ*: *qше*. По аналогіи
съ другими именами, какъ существительными, такъ прилагательными,
въ грузинскомъ слово получило наростъ въ видѣ префикса *m-*, и грузинскій
лексикографъ Ч² въ этой формѣ и приводитъ его, при этомъ съ замѣной
архаичнаго *q* (*g*) вульгарнымъ *q* (*b*) — *m-qше*, толкуется же оно у него
такъ: «*ჭადარა შერეული* [= съ примѣсю сѣдины, съ просѣдью,] сѣдой,
Dared. 2—147; Rusud. 562; I Qarḡl. 273». Въ рукописяхъ памятникъ
свѣтской литературы его встрѣчаемъ и съ позднѣйшей перестановкой
огласовки, какъ можетъ показаться, своего рода искаженіемъ — *m-qше*,
когда оно по созвучію совершенно совпадаетъ со словомъ «звѣрь» — др.-л.
m-qше, вульг. *m-qше*, и въ такой формѣ оно читается, напр., въ *Rusudanani*
не разъ, по крайней мѣрѣ три раза²: 1) *Rs, I, 10*: *მკეცებს დიდი ჯარი*
მხეც შერეული კაცი «вышла навстрѣчу большая толпа (|| большое войско)
людей *съ просѣдью* (*m-qше* *შეგული*-1 «съ примѣшанной сѣдиною)», 2) *ib.*:
სოფლ ბერთა ჯარი ახლდა ასრე რომე არცა ვაჟი კაცი კროს და არც მხეც შერეული,
სოფლად ბერნი შეიერილნი კაცნი ახლენს «сопровождало войско цѣлкомъ изъ
старцевъ, не было примѣшано къ нему ни отрока, ни кого либо *съ просѣдью*
(*m-qше* *შეგული*-1), ოдни пожилые (*mikri-n-1*) старики были при немъ», 3) *IV,*
1: *მხეც შერეული კაცი შეიქმნა და არცა ვაჟი და არცა ქალი ჭეკანდა* «онъ сталъ
человѣкомъ съ просѣдью (*m-qше* *შეგული*-1 *ka-b-1*), между тѣмъ у него не было
еще ни сына, ни дочеря». *M-qше*, resp. *m-qше* у грузинъ означало специально
«просѣдь», болѣе того «просѣдь лишь *въ бородахъ*», судя по толкованію про-
изводнаго отъ него слова грузинскими лексикографами: по Орб. — *m-qშო-*
va'n-1 значить «старикъ съ бѣлой бородою»², по Ч² — «сѣдой», по особу у

¹ См. ниже ц. с., стр. 398.

² Примѣры беру, какъ они зарегистрированы еще въ 1889-мъ году въ неизданной части
медальной моей студенческой работы — «*Грузинскія повѣствовательныя произведенія XI-го и*
XII-го вѣка, писанныя прозою», именно въ Приложеніи III-мъ, сглавленномъ: «Списокъ
словъ и выраженій, существующими словарями этимологически невѣрно объясняемыхъ,
иначе [превратно] понимаемыхъ или совершенно опущенныхъ, составленный къ четыремъ
повѣстямъ — *Wis-Ramani, Ashiran-Daredamani, Rusudanani* и *Dilagiani*».

³ Орб. ссылается на Сирах. 6, гдѣ по Московскому изданію лишь въ 18-мъ стихѣ на-
ходимъ, да и тамъ не *m-qშოan-1*, а производное отъ него *m-qშოaneba* въ выраженіи *ჟღერა*
ჟღერაჟღერა *vidre m-qშოan + eb-a-m + de* въ соотвѣтствіе греч. *ἕως πάλιν* *до снѣднѣ*, арм. *մինչև* *ի*
ճերմութիւն *minchew i tsermuthn* *до старости*.

Ч² mǫđovn-¹. Последнее чтение съ его толкованіемъ «бодрый» — результатъ недоразумѣнія: въ одѣ Тамары у «Чахр. 73», въ нашемъ изданіи VII, 16,2, надлежитъ читать не mǫđovn-1, какого слова вовсе не существуетъ въ литературѣ, а mǫđovn-1 (ǫđb-ǫđb-ǫ) *оживляющій, спасающій, воскресающій* и т. п.

Каковы бы ни были спеціальныя употребленія слова у грузинъ, спору не подлежитъ, что оно вообще значить «сѣдой > бѣлый; сѣдина > бѣлизна». И подходя со стороны такихъ выраженій, какъ mǫđ, герс. mǫđe шеген-1 «примѣшанный сѣдиной», и чанское выраженіе ǫđe-кадег1 коǫ-1 *сѣдой человекъ* иначе и нельзя понять, какъ «человѣкъ съ примѣсью бѣлизны, герс. сѣдины», т. е. ч. кадег1, какъ шеген1 въ грузинскомъ, можетъ быть понято лишь какъ «примѣшанный» > «съ примѣсью» || «съ вкрапленіемъ», равно каǫ-и-а въ мегрельскомъ, какъ «примѣшываніе», а-каǫ-ен въ чанскомъ — «примѣшивается у него» || «вкрапленъ у него», и встаки мнѣ представляется неосторожностью, особенно теперь утверженіе I. А. Кяпшидзе въ его мегрело-русскомъ словарѣ (s. v. ǫđ³⁰⁰): «само собою отпадаетъ поэтому и семасиологическое сравненіе ǫđ³⁰⁰ [каǫ] съ арм.-наискимъ ǫđ³⁰⁰ [каǫ] || ԿաճԷ [каǫ-эп] *молоко*», что допускалось мною въ работѣ *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ* (стр. 39). Однако нормы развитія семасики въ яфетическихъ языкахъ только теперь начинаютъ намѣчаться въ путяхъ, независимыхъ отъ нашихъ индивидуальныхъ воспріятій то анахронистическихъ, то лишь мѣстно-обоснованныхъ и всегда вытекающихъ изъ построеній на логической ассоціаціи мыслей (> понятій) и менѣе всего на психической ассоціаціи образовъ (> представленій), факторѣ первостепенной важности въ лексическомъ первотворчествѣ всякой рѣчи, особенно же въ яфетическихъ языкахъ, плотно насыщенныхъ пережитками первобытности. Во всякомъ случаѣ въ кеǫ-, основѣ древнел. кеǫ-г *проказа*, использованной и въ значеніи *близны*², фонетически грузинскому комплексу кеǫ- шного соответствіи по отвлеченной закономерности и нельзя указывать въ языкахъ шипящей группы, какъ каǫ-, и если даже признаемъ уже установленнымъ, что такой терминъ не сохранился въ извѣстныхъ

¹ У Ч² это слово выдѣляется въ особое гнѣздо (mǫđovn-1, mǫđovn-1) и толкуется прилагательнымъ «бодрый» съ ссылкой на «Чахр. 73».

² См. выше, стр. 396, гдѣ кеǫгоан *прокаженный* замѣненъ въ соответствіи хайскому *borot прокаженный* прилагательнымъ *spet-ak бѣлый*, что впрочемъ появляется разъ и въ армянскомъ чтеніи соответственнаго библейскаго стиха, понятно, въ армянской формѣ *spitak* (и здѣсь и другія версіи вторять чтенію «бѣлый»), а терминъ кеǫгоан + eb-а-у *проказа* замѣненъ словомъ *si-vjetak-e близна*.

намъ лексическихъ матеріалахъ указанной группы, то нельзя не остановиться на сродствѣ той же основы кеѣ-, собственно кеѣ-, означающей и *близну*, и *проказу*, съ основой г. $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ > $\text{q}\acute{\text{e}}$, др.-лит. $\text{q}\acute{\text{e}}$, безусловно стоящей въ связи съ ч. $\text{q}\acute{\text{e}}$ > $\text{q}\acute{\text{e}}$ *блѣый*; болѣе того, это его лишь модифицированная, согласнo природѣ произносительныхъ органовъ племени съ языкомъ свистящаго типа, разновидность, и всѣ эти разновидности (ч. $\text{q}\acute{\text{e}}$ > $\text{q}\acute{\text{e}}$ | г. $\text{q}\acute{\text{e}}$ (вульг. $\text{q}\acute{\text{e}}$) < г. $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ (вульг. $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$), восходя черезъ архетипы $^*\text{q}\acute{\text{e}}\text{y}\text{q}$ > $^*\text{q}\acute{\text{e}}\text{y}\text{q}$ къ прототипу $^*\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ < $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$, выводить насъ изъ круга языковъ сибилантной вѣтви въ спирантные языки и по огласовкѣ (е) и по составу коренныхъ согласныхъ, при чемъ по словамъ съ той же основой, наличнымъ въ языкахъ сибилантной вѣтви, основа означала, какъ наблюдаемъ то и съ кеѣ-, не только *близну*, но и *паршь*, *коросту* [*>проказу*]: я имѣю въ виду г. $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ (> $^*\text{q}\acute{\text{e}}\text{y}\text{q}$ < $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$) *паршь*, *шолуди*, г. $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ -ed, да и $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ *чешуя* и т. п., равно г. $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ -l-1 *перхота*, *чешуя*, м. $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ -a | $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ -a > $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ -a *перхоть*, *паршь*, *чешуя*, г. $\text{q}\acute{\text{e}}\text{q}$ -l-1 *чешуя* (Беридзе, *Глосс.*, s. v.) и ихъ многочисленныя семасиически еще болѣе дифференцированныя, чѣмъ фонетически, разновидности, выходящія за предѣлы интересовъ настоящей замѣтки.

И все-таки нѣтъ пока основанія дѣлать выводъ, какъ то вытекаетъ по всѣмъ фактическимъ видимостямъ изъ сопоставляемыхъ матеріаловъ, что значеніе «проказа» представляетъ второобразное явленіе, развѣвшееся изъ понятія о *близнѣ*, какъ и того меньше могли бы мы настаивать на происхожденіе отвлеченнаго значенія *близны* отъ конкретнаго значенія того же слова — «короста», «шолудь», «паршь», «проказа». Чтобы свести весь чрезвычайно сложный семасиологическій вопросъ объ изначальномъ значеніи къ дѣлу, хотя и трудному, но все-таки простому—выбору между двумя понятіями, надо признать ихъ созданіями социальна-культурнаго періода народнои жизни, а не этно-культурнаго, когда слова возникали въ результатѣ инстинктивнаго природно-психическаго (анимистическаго, религіознаго или эстетическаго) воспріятія міра, а не рефлексивнаго культурно-историческаго (философскаго или научнаго). А въ тѣ протоисторическія, если не первобытныя, времена и проказу и бѣлизну люди воспринимали не матеріалистически, какъ то мы судимъ нынѣ, исходя изъ осознанныхъ фактическихъ видимостей, какъ отъ реальностей, а психически, инстинктивно одухотворяя явленія и видя въ нихъ не проявленіе непостижимыхъ силъ, а сами эти силы, божества, и лишь олицетвореніе ихъ въ видимыхъ, вообще ощущаемыхъ формахъ.

Только доработавъ эту вообще мало освѣщенную сторону лингвистики

въ области нашихъ яфетическихъ языковъ, мы могли бы имѣть опору для рѣшенія вопроса и по существу о той или иной связи *h. bog-ot* *прокаженный* и г. др.-л. *borot злой*.

Грузинское слово *borot* во всякомъ случаѣ не содержитъ въ себѣ вовсе суффикса *-ot*: это трехслогный корень *brt*. Звуча въ Им. падежѣ *borot-1*, и въ Неоформленномъ — *borot*, въ древнелитературномъ у грузинъ слово означаетъ «лукавый»¹, «злой», а въ живой рѣчи — «злбный», «порочный», отсюда *ga-borot+eb-ul-1* «озлобленный», «разъяренный», «взбѣшенный»². Любопытна эта нѣкоторая разница въ отгѣнкахъ самого грузинскаго въ зависимости отъ того, находимъ ли слово въ древнелитературномъ употребленіи или слышимъ въ живой рѣчи и читаемъ въ новомъ литературномъ памятникѣ. Явленіе свидѣтельствуетъ о двухъ путяхъ усвоенія, хотя и изъ одного источника. Источникъ же опредѣляется формою слова — полногласіемъ (*qomon*) съ групповою діалектической перегласовкою (*a—a > o—o*): это — шипящая группа языковъ, т. е. чанскій (лазскій), мегрельскій или какой либо скрещенный съ однимъ изъ нихъ языкъ яфетической семьи языковъ, въ родѣ сванскаго, культурно-исторически могшій служить посредникомъ. Весьма вѣроятно, что это именно сванскій языкъ, прежде всего древній гибридный его представитель съ гибриднымъ названіемъ — «сог^н-мег^схскій», по крайней мѣрѣ поскольку рѣчь идетъ о древнелитературномъ грузинскомъ *borot* со значеніемъ «лукавый», «злой». Сог^н-мег^схская рѣчь это первооснова въ языкѣ св. Писанія грузинъ³.

а) Въ грузинскомъ корень имѣемъ еще въ двухъ формахъ отъ его вида по природѣ свистящей группы — *mrz > brz*:

¹ Въ молитвѣ господней (Мо 6,18): *ბოროტი გარდაცემულია* «избави насъ отъ *lukavoia* (*borotisa-gan*)», гдѣ впрочемъ и сирійское (*ܒܪܘܬܐ*), и армянское (*brut*), и греческое (*ἄλιος* *той повѣрѣи*) чтеніе поддерживаетъ г. *borot* въ его значеніи «злой». Грузинскіе лексикографы поддерживаютъ то же большинствомъ указываемыхъ ими значеній (Орб. «злой» «злбдѣй» съ ссылкой на *Исх.* 5,20, Ч² «злой, злобный; вредный, пагубный, порочный, печесливый»), но Ч² придаетъ слову значеніе *лукавства, хитрости* въ выраженіи *ბოროტი ხეობა* «употреблять хитрость».

² Ч² *ga-borot+eb-ul* толкуетъ «озлоблять, причинять вредъ».

³ Попутно регистрирую еще одинъ характерный примѣръ слова сванскаго (сонскаго) происхожденія, именно сог^н-мег^схскаго (въ современномъ сванскомъ въ горахъ Большаго Кавказа на верховьяхъ Энгуръ и Цхенис-цхала = Ланх'а его нѣтъ): это *amr̄we* *многочисленный* (графич. *amr̄we* *ამრუე* *Исх.* 1,7, въ *Хрестоматіи* Г. А. Кипинидзе въ рубрикѣ буквы *z*, какъ цѣльное слово), слово составное изъ иранскаго, герс. арм. *amr-* *число* вм. *hamr* (<*ama*r <*hamar*, ср. др.-л. груз. *ama*r-1 *число*, и *amr-av-1* *безчисленный*, арм. *hamr-el* < *hamar-el* *считатъ*) и *we* = св. *qway* *много*.

1. Въ формѣ прилагательнаго, собственно причастія страдательнаго залога — *qm̄in* — имѣемъ основу *mgiz* [«гнѣвный»] въ составѣ др.-л. грузинскаго *a-mgiz+eb-ul-i* «разъяренный»¹.

2. Въ именной формѣ *qman* отъ народной (*m > b*) разповидности того же корня — *bgz*: г. *bgaz-i* [«одержимость *бѣсомъ*»,] *бѣшенство*, отсюда *бѣшеный, вспыльчивый*, г. *ga-bgaz+eb-ul-i* *взбѣшенный*. Имъ существительное *bgaz-i*, быть можетъ означаетъ не отвлеченное понятіе «бѣшенство»², а лицо — «бѣсъ», въ связи съ тѣмъ стало бы болѣе яснымъ народное образное выраженіе *bgaz-i mouvida* «къ нему пришелъ [бѣсъ] *bgaz*», въ значеніи — «онъ взбѣсился»³. Для нашего воспріятія даннаго выраженія еще болѣе благоприятна другая редакція, съ постановкой *bgaz-i* во мн. числѣ, также народная, на которую обратилъ мое вниманіе студентъ Амирханянъ, именно *bgaz-eb-i mouvida* «къ нему пришли [бѣсы] *bgaz'ы*».

Чтобы освоиться съ естественностью раскрываемаго разнообразія значенія корня иногда въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, надо усвоить народное міровоззрѣніе, тождественное у иудейскихъ и современныхъ съ ними семитовъ, въ частности въ Палестинѣ, какъ оно явствуетъ изъ мѣстной живой старины, понуто отразившейся въ Евангеліи, безразлично къ какой бы эпохѣ ни относить его редакцію, хотя бы ко II-му вѣку по Р. Х.: всякій аффектъ, равно болѣзнь, есть навожденіе діавола, или ангела, геср. божества, болѣе того — непосредственное вхожденіе его въ челоуѣка, одержимость имъ⁴.

Исцѣляя больныхъ, расслабленныхъ, прокаженныхъ, наравнѣ съ одержимыми бѣсомъ, Христосъ въ представленіи народа, современнаго Ему или редакторамъ евангельскихъ текстовъ, одинаково изгонялъ бѣсовъ. Одержимость бѣсомъ и заклинанія въ Евангеліи получаютъ широкое распростра-

¹ *Мудрость Балазара*, перев. И. Джавахова, стр. 12,20 (ЗВО, XI, 1897). I. Кишиндзе, *Грузинская древнел. хрестом.*, стр. 35,3 и словарь s. v. Ч² 243, амгега «нахмуриться».

² Орб. «сильное бѣшенство», Ч² «бѣшенство, ярость, неистовство».

³ Естественно вспомнить г. *gul-i mouvida* «къ нему пришло сердце» въ значеніи «онъ разгнѣвался, онъ разсердился» (ср. и арм. *sərtə-mteaθ*). Впрочемъ правда ли хотя бы въ этомъ выраженіи у грузинъ *gul-i* должно быть понято въ наличномъ значеніи «сердце», а не въ иномъ, быть можетъ, также отождествимомъ съ бѣсомъ или ангеломъ, геср. божествомъ, соответственнаго аффекта, происходящимъ отъ «первоначальнаго» значенія [«ходить», «двигаться»] того же корня — *gwł*?

⁴ См. цитованную ниже работу J. Weiss'a, стр. 411, 36-39, 413 и далѣе.

неніе, какъ то разъясняется и историками христіанской церкви¹. Въ числѣ немощей, объясняемыхъ здѣсь одержимостью, проказа не называется, но въ сохранившемся лишь по-сирійски посланіи Псевдо-Климента *О дѣятељности* (I, 12) леченіе заклинаніями предполагается вообще для больныхъ (Migne, PG, I, 407 сл., при чемъ именно сирійскій текстъ, 411,5,6): одинаково изгоняются изъ нихъ бѣсы². Всякіе больные наравнѣ съ грѣшниками мыслились «предоставленными темнымъ силамъ»³. Даже укусы разсматривались въ ранне-христіанской средѣ какъ дѣянія бѣсовъ или злыхъ духовъ, почему, какъ пишетъ Тертуліанъ, христіане укушенную ногу между прочимъ «осѣняли крестнымъ знаменіемъ и заговорами»⁴, т. е. изгоняли бѣсовъ. «Бѣсы», по представленію именно самого Тертуліана⁵, «причиняютъ плоти болѣзни и злочкиненія всякаго рода, а душѣ — чрезвычайныя, сильныя потрясенія, внезапно разражающіяся». Этотъ демонологическій элементъ въ Евангеліи есть цѣликомъ народно-психологическое явленіе, вкладъ живой восточной передне-азіатской старины⁶. Harnack удостоверяетъ то же самое, но лишь съ культурно-историческимъ воспріятіемъ фактовъ, когда онъ пишетъ: «во II-мъ вѣкѣ вѣра въ демоновъ изъ темныхъ ниж-

¹ Harnack, *Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten*. Zweite neu durcharbeitete Auflage, I, Лейпцигъ 1906, стр. 112—113² сл. Существо дѣла съ нашей точки зрѣнія не касается, когда Harnack предупреждаетъ (и. с., стр. 114): «Церковь провела неизблемую межу (eine feste Grenze) между заклинателями, дѣйствовавшими во имя Христа, и языческими магами, чародѣями и т. п.». Церковь провела эту «твердую границу», какъ нынѣ проводимъ мы «твердыя цѣны», но народъ не проводилъ и не думалъ, болѣе того — психологически не способенъ былъ ее проводить. Еще вопросъ, такъ ли проводилъ эту «твердую межу» Оригенъ, на котораго ссылается Harnack (и. с., прим. 4), какъ то понимаетъ самъ Harnack. Но P. Mehlhorn'у въ Иудей времени Христа было распространено въ народѣ это вѣрованіе, и самъ Христосъ раздѣлялъ его (*Wahrheit und Dichtung im Leben Jesu*, Aus Natur und Geisteswelt. Sammlung wissenschaftlich-gemeinverständlicher Darstellungen. 137 Bändchen, Лейпцигъ 1906, стр. 51): «Auch Jesus teilte als Kind seiner Zeit unbefangen diese Ansicht vom Dämon und der Wirksamkeit eines Reiches böser Geister». См. ниже, стр. 413, привѣсокъ.

² И. с., стр. 121—122. Harnack напрасно ограничиваетъ кругъ имѣющихся въ виду больныхъ, сопровождая это прилагательное словомъ «одержимые» — «die Kranken (besessenen)», и. с., стр. 115. Къ нему же примыкаетъ H. Weinel, *Die Wirkungen des Geistes und der Geister im nachapostolischen Zeitalter bis auf Irinäus*, Тюбингенъ 1898, стр. 7 («mancherlei Krankheiten», «der Wahnsinnige hat einen Dämon in sich, der Hysterische und der Epileptische sind besessen»).

³ И. с., стр. 89.

⁴ Tertullianus, Scorpiace 1, по Harnack'у, и. с., стр. 107.

⁵ *Apologeticus*, гл. 23 сл. = Harnack, и. с., стр. 119.

⁶ Демонологія выступаетъ этнографически богато и ярко, какъ будто лишь у Марка, но она далеко не чужда и Маттею; наоборотъ, въ немъ сила сатаны представлена по существу примитивнѣе: онъ властенъ надъ Иисусомъ (A. Merx, *Die vier Kanonischen Evangelien nach ihrem ältesten bekannten Texte*, Берлинъ 1905, II, 2, стр. 174).

нихъ слоевъ прорывается въ верхніе, даже въ литературу»¹. Здѣсь въ характеристикѣ Тертуліана явленіе можетъ представляться чисто культурно-историческимъ и сложившимся въ соответственной средѣ изъ «элементовъ», какъ то рисуетъ себѣ Хагнаскъ, «греко-римскихъ и іудеохристіанскихъ»². При этомъ кругозорѣ протестантскій историкъ христіанской церкви правъ съ своей точки зрѣнія и тогда, когда онъ пишетъ: «Въ вѣрѣ бѣсовъ, овладѣвшей христіанскимъ міромъ во II-мъ и III-мъ вѣкахъ, легко указать черты, накладывающія на нее печать реакціоннаго явленія, угрожавшаго культурѣ»³. Но реально-исторически это возрожденіе живого, еще не заглохшаго Востока⁴: это не патискъ обреченныхъ, чтобы вернуть себѣ старое утраченное мѣсто, а порывъ народной жизни Востока отвоевать новое мѣсто въ высшихъ культурныхъ кругахъ, это тяга этно-культурныхъ явленій, прежде всего восточныхъ, въ мировую культурно-историческую среду эпохи ранняго христіанства. Позднѣе съ такой же тягой народныхъ вѣроваій на Востокѣ возникаетъ международная синкретическая религія (манейство) и мировая національная религія «подвергнушагося внезапно душевному потрясенію» (исламъ), и все это съ народно-психологическими корнями демонологіи, уходящими въ глубь коренныхъ народныхъ слоевъ Передней Азіи, хотя менѣе всего какъ будто въ населеніи Іудей⁵. Въ восточныхъ вліяніяхъ, вызывавшихъ особый уклонъ въ развитіи этого явленія, едва ли есть возможность отстоять преимущественное значеніе за египетскимъ и выдѣлять рядомъ съ нимъ лишь персидское, какъ это дѣлается

¹ *Medicinisches*, стр. 108 = *Mission*², I, стр. 111.

² *Medicinisches*, стр. 115 = *Mission*², I, стр. 118.

³ *Medicinisches*, стр. 115 = *Mission*², I, стр. 117 сл.

⁴ Любопытно, что и Хагнаскъ готовъ признать, по своему положительному сторону въ этомъ «реакціонномъ» явленіи, дѣлая слѣдующую оговорку (*Medicinisches*, стр. 115 = *Mission*², стр. 117—118): «Однако не слѣдуетъ забывать, что вѣра въ бѣсовъ въ зернѣ таила извѣстный моральный и потому также духовный прогрессъ: это способность чутко и признаніе могущества грѣховъ и ихъ господства въ мірѣ».

⁵ Впрочемъ и въ этой частности территориальнаго характера вопроса не рѣшаетъ то констатируемое Хагнаск'омъ положеніе, что вѣра въ дѣйствительность бѣсовъ у іудеевъ развилась сравнительно поздно, поскольку она выступаетъ въ новѣйшихъ греческихъ частяхъ Ветхаго Завѣта, въ Новомъ Завѣтѣ и писаніяхъ императорскаго времени, когда она достигла полного расцвѣта (I. Флавій, *Antiq.* VIII, 2, 5, см. Хагнаскъ, *Medicinisches*, стр. 107). Развитие любопытнаго явленія въ еврейской письменности можетъ свидѣтельствовать лишь о соответственно позднѣе ея контактѣ съ народно-психологической средой. «Около того же времени стала брать верхъ вѣра въ бѣсовъ и у грековъ и римлянъ, причемъ однако неизвѣстно, какъ она возникла у нихъ» (ц. м.). И Хагнаск'у представляется «въ высшей степени неправдоподобнымъ возводить ее въ той «формѣ, въ какой она пролилась во II-мъ вѣкѣ, просто-напросто къ іудейскому или только христіанскому вліянію» (ц. м.).

по разъ установленному шаблону¹, развѣ подь персидскимъ понимать именно вообще переднеазиатское², отнюдь не исключительное иранское³. Особенно намъ необходимо такое строго реальное отношеніе къ этническимъ терминамъ, когда вопросы разсматриваемъ въ плоскости этнологіи. Нагнаск также возводитъ кое-что изъ новозавѣтныхъ матеріаловъ къ «наивному народному творчеству», такъ въ частности рассказъ о болѣзни Іуды. Но этнографическій, да и этнологическій подходъ вообще къ новозавѣтнымъ сказочнымъ элементамъ отъ соответственныхъ переднеазиатскихъ матеріаловъ, быть можетъ, далъ бы разгадку нѣкоторыхъ чудесныхъ испѣлѣній, съ которыми современное толкованіе попадаетъ въ тупикъ⁴. Разумѣется, пришлось бы работать уже съ учетомъ осадка изначальнаго яфетидизма, наличнаго на днѣ переднеазиатскихъ матеріаловъ⁵.

Въ армяно-грузинскомъ этническомъ районѣ требуетъ выясненія взаимоотношеніе терминовъ г. ештак (< heshmak || св. heshmä < heshmau || уешмау) *дiаволъ* и г. ѓашм *малярийная зараза*: по-грузински, такъ, напр. въ Гуріи, da-ѓашма понимаютъ въ смыслѣ «его постигла малярія», по это пониманіе современное термина, означающаго — «его посѣтилъ или постигъ [бѣсъ] ѓашм»; по-хайски, т. е. въ древнелитературномъ армянскомъ hашm-andam значить «увѣчный, уродъ», буквально — «съ [бѣсомъ]

¹ Нагнаск, *Medicinisches*, стр. 107 = *Mission*², I, стр. 110.

² О переднеазиатскомъ происхожденіи увлеченія колдовствомъ на Западѣ въ эту эпоху см. H. Weinel, ц. с., стр. 9—10; тамъ же, стр. 7, а также у J. Weiss'a, *Dämonische* (Realencyklopädie für protest. Theol. und Kirche, IV, 1897, стр. 416—419) объ источникѣ христіанской демонологіи—народныхъ вѣрованіяхъ, ихъ распространеніи въ современныхъ образованныхъ кругахъ и ихъ связи съ первобытной культурою.

³ Въ этомъ отношеніи предстоить пересмотрѣ употребленія «персъ» въ самихъ источникахъ, да и—другихъ также «міровыхъ» ходячихъ племенныхъ названій. Надо сосчитать съ тѣмъ, что и европейскіе, и восточные писатели склонны были обобщать отдѣльными, болѣе популярными этническими названіями и охотно употребляли ихъ въ родовомъ значеніи—въ смыслѣ вообще извѣстнаго имъ восточнаго или азиатскаго, т. е. въ смыслѣ нашего термина «переднеазиатскій». Есть длинный рядъ случаевъ, когда на этомъ основаніи одно племенное названіе и позднѣе переносится на другое племя, «персидское» на армянское, «армянское» на грузинское и т. п. Конкретно интересно въ IV-мъ вѣкѣ такое распространительное употребленіе термина «сиріецъ»: Либаній всѣхъ, происходившихъ изъ восточной діоцезы, называлъ сирійцами (см. Seck, *Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet*, Лейпцигъ 1916, T. und Unters. № F, XV, B. I, 2 Heft, стр. 91, прим. 1, равно стр. 69, прим. 1).

⁴ Нагнаск, *Medicinisches*, стр. 110.

⁵ Вопросъ этотъ сложный, но реальный. Онъ сплетается съ яфетическимъ происхожденіемъ термина «сатана», носитель котораго, иногда величаемый и Вельзвулумъ, возглавляя бѣсовъ, легіонъ ихъ, и съ яфетическимъ представленіемъ о многочастичности божества, этнографически наличнымъ до нашихъ дней въ религіозныхъ вѣрованіяхъ аѣхазовъ.

наш'омъ въ членахъ». Когда я былъ мальчикомъ, про больного малярію говорили въ Гуріи: *uṣurṣi šeqwda* «съ нимъ встрѣтился (его постигъ, въ него вошелъ) *uṣurṣi*», нечистая сила, называемая предохранительно описательнымъ выраженіемъ, ибо *u-ṣur-ur* собственно значить «не въ часть», «не во времени»¹. И въ наши дни, когда заболѣваютъ корью или оспою у яфетическихъ народовъ, напр. въ Грузіи, кругомъ говорятъ уже въ стилѣ феодальной сословной рѣчи, что «изволили прибыть господа» — (*batonebi nobḏanda*), при появленіи явныхъ признаковъ болѣзни про пациента выражаются: «у него изволили появиться господа» — *batonebi daubḏanda*. Эти господа — «ангелы» (*angelozebi*), т. е. подъ греческимъ христіанскимъ названіемъ это тѣ же бѣсы или боги языческіе аффектовъ и болѣзней, и близкіе, родные и знакомые, принимаютъ мѣры умиловить этихъ господъ посягателей, боговъ, но сей день народно не «бѣсовъ», а — «ангеловъ», и заставитъ ихъ уйти. Умиловываютъ ихъ цвѣтами, фіалками, благовоиѣмъ, розовой водою, пѣніемъ, игрой музыкальной и т. п. Сказывается ли въ обрядѣ умилованія разность аффектовъ и болѣзней, разность, слѣдовательно, боговъ (вѣроятно — да), интересно прослѣдить, но одинъ богъ (ангелъ, бѣсъ) порождаетъ, несомнѣнно, рядъ различныхъ болѣзней, или аффектовъ, и это явленіе наблюдается въ нашемъ случаѣ, когда «одержимость бѣсомъ», собственно «вхожденіе бога», или «посѣщеніе богомъ» проявляется разнообразными аффектами, начиная если не отъ проказы, то отъ бѣшенства и доходя до злобы и лукавства, смотря по средѣ, простонародной, пережиточно языческой, или знатной, сначала иранско-, затѣмъ христіанско-религіозной, всегда феодально-церковной, въ которой происходило повотворчество въ семасикѣ того или иного изъ современныхъ письменныхъ яфетическихъ языковъ Кавказа. Изъ нихъ-то, т. е. изъ яфетическихъ языковъ, и письменныхъ и еще болѣе письменныхъ, и приходится теперь собирать многообразныя разсыпанныя по различной племенной или социальной средѣ населенія Кавказа значенія — кстати сказать, работа отнюдь не исчерпываемая нашею настоящею очередной замѣткой по яфетическимъ элементамъ въ языкахъ Арменіи, — чтобы возстановить цѣлостную картину семасического развитія корня *brt* || *mrg* > *brz* у яфетидовъ².

¹ Яфетическимъ представленіемъ о вхожденіи діавола (г. ешмак-1) въ челоѣка подерживалось и неискаженное воспріятіе евангельскаго чтенія, первоначальнаго, *In 13,2* (ср. и *In 13,27*) — «діаволъ вошелъ въ (шесгḏl ḱo) въ его сердце», какъ то на лицо въ М, тогда какъ Надіш'ская рукопись даетъ LXX — *eṣmaka šḏaegdo* (ср. βεβληκός) *gulsā ḏwssa* «діаволомъ было (раньше = давнопрош.) заброшено въ *šwos* (см. А. Мерх, ц. с., III, стр. 357) сердце».

² Исно, что въ *t* первого вида *brt* иѣмъ десибиллованный звукъ: для существей

Войдетъ ли въ рамки этой картины какъ органическая часть и h. bog-ot *прокаженный*, это покажетъ дальнѣйшее исчерпывающее вы- явление всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ, не только фонетиче- скихъ и морфологическихъ, но и семасическихъ, при томъ послѣднихъ въ народно-психологическомъ воспріятіи первобытной этно-культурной среды¹.

И если бы оказалась такая генетическая связь между г. др.-л. bogot *злой* и h. bog-ot *прокаженный*, собственно основой послѣдняго bog-, то фо- нетическимъ путемъ единственнымъ было бы установленіе исторіи bog- < *bogъ || *боги, стянутой разновидности полногласнаго прототипа *bogoъ || *богош, двойника по шипящей группѣ слова braz.

Тогда, по исчерпывающей проработкѣ яфетическихъ и яфетидоидныхъ матеріаловъ, можно будетъ заняться и детальнымъ изслѣдованіемъ вопроса о соотношеніяхъ этого яфетическаго корня съ семитическимъ mrd || mrg, вулыг. mrgz (арб. مريض marīd *больной*, сир. marzā) и brs (арб. برص baṣas *проказа*, сир. ܒܪܫܐ parish).

Пока же изъ семитическихъ матеріаловъ укажу лишь на то, что и тамъ терминъ «проказа», также выражающій эту злокачественную *блвну* сьнь, напр., евр. לַטְרֵף, сами семитологи производятъ не отъ корня, озна- чающаго *близну*, а отъ глагола, отъ котораго вмѣстѣ съ этимъ евр. тер- миномъ происходитъ его арабскій фонетическій эквивалентъ صرع, означаю- щій однако *эпилепсію*, и обѣ болѣзни и семитологи толкуютъ опять-таки какъ божье наказаніе, хотя затѣмъ все-таки въ семасическомъ обоснованіи ему ищутъ объясненія по реалистической психологіи нашей современности и находятъ его въ арабскомъ значеніи глагола صرع — «повергнуть на землю», «сразить».

группы обязательны звукъ ряда i > ā > ʔ (bi и т. п.), но въ языкахъ этой группы и г шипящихъ языковъ долженъ быть представленъ звукомъ шипящъ, именно l, слѣ- довательно корень долженъ звучать bli и т. п. Есть чѣмъ подкрѣпить и эту фактически и теоретически возстановляемую разновидность, но сейчасъ мы сосредоточиваемъ внима- ніе на видѣ съ г, отголоскомъ гибридизаціи фонетическихъ нормъ шипящей группы со свистящей.

¹ Въ обследованіи придется прихватить h. uruk *прокаженный*, h. godi *калька*, *парши- вый*, *прокаженный* и, пожалуй, еще gonđ, слово хайское, во всякомъ случаѣ арм. др.-л. gonđ *калька*, *паршиный*, *прокаженный*, основу глагола gonđanal *становится калькой*, *заболѣвать паршью*, *проказой* и г. gonđ-i и литературно со значеніемъ по Ч «уродъ», «калька», по Орб. «съ разрушенной плотью» (qogʔ darğveul-i) и народно по-гурійски — «больной», «скверный» «дурной».

2. Арм. *qayl* (< **gayl*) *шагъ* (< *нога*), имѣющее двойника въ аварскомъ *gal-1 шагъ*¹, по-армянски звучить и *qel-* (< **geyl*) въ составѣ глагола *qel-el* || *qayl-el шагать, ходить*, и эта основа *qel-* налицо въ г. *tamo-qel-va притоптать, затоптать, равно походя, растоптать*, налицомъ у Шоты (Кч 588,4):

Իջաճճս, մշտն ջրճննն էլմնյե Բյնն Շյճս Կնմեւլլեճս

«Они желали, но не могли *попунно затоптать пась*».

Происхождение основы арм.-h. *qayl*, равно ав. *gal-1* пынѣ выясняется въ связи съ г. др.-л. *gwal-* (аор. 2 л. = пов., графически *gual-e ходи, иди, ступай*), и исторія ихъ, особенно основы *gwal-* отъ корня *gwl* (|| *gyl*) < сипр. *h¹vl* || *svl ходить пась* займетъ особю (сюда и м. *qıl-uva* || *n-qıl-ua бродить, ходить*, ср. арм. *qel-el ходить*). Основы г. *gwal-* || h. **gayl* > *qayl* находятся въ соотношеніяхъ основъ *qval-* || *qayl-ən* < *qayl-an*, налицыхъ первая въ усвоенномъ древней Русью названіи Каспійскаго моря — «Хвалынское», вторая — въ h. *qaylən-dur-q*, использованномъ у историка Егяннэ (I, Москва, стр. 17,15—16, VIII, стр. 178,1) въ качествѣ названія одного изъ народовъ, жившихъ у Каспійскаго моря съ сѣвера и на западѣ въ сторону Чечни и Кабарды.

Я спѣшу отмѣтить пока лишь самый фактъ связи h. *qayl* съ г. *gwal-e*, такъ какъ съ нимъ отпадаетъ объясненіе этого же г. *gwale*, данное мною въ *Замѣткахъ по текстамъ св. Писанія въ древнихъ переводахъ армянъ и грузинъ*², и устраняется необходимость признать объективный префиксъ *g* использованнымъ въ качествѣ субъективнаго: начальный звукъ *g* въ словѣ коренной, и если есть въ немъ какой-либо архаизмъ, то это архаизмъ не морфологическій изъ эпохи, когда «объективныя и субъективныя частицы не были дифференцированы», а архаизмъ полноты состава коренныхъ, спасенной въ корнѣ спирантнаго вида (*hvl*) подъемомъ спиранта *h* въ звонкій *g*, первоначально сложный звукъ (африкатъ) *ğ*, сильный согласный: **ğwl* > *gwl*.

3. Основа *daq* со значеніемъ «ударъ» налицо у армянъ въ формѣ простой — *daq-el ударить, поразить, сокрушить* и удвоенной — *daqdaq-el сокрушить, крошить*³. У грузинъ отъ той же основы имѣемъ отыменныи

¹ П. Марръ, *Непечатый источникъ исторіи Кавказскаго міра*, ПРАП 1917, стр. 323, прим. 1.

² § 37 (XV, II, стр. 273).

³ Иногда глаголъ съ удвоенной основой пишется *daqdaq-el*, точно съ чередованіемъ среднего *q* со звонкимъ *ğ*, а въ глаголѣ съ простой основой наблюдаемъ соответное появленіе

глаголь ше-ღაღ-ებ-а в значеніи «столкнуться съ кѣмъ-либо или съ чѣмъ-либо». Это народное грузинское слово, по всей видимости месхскаго говора, и въ качествѣ такого элемента оно появляется у Шоты изъ Рустава въ стихѣ (Кч 597,3):

ფიციხლას ზედას შევეჯვრებო, მათ დასწყვეს მცოდ გუგუზს

«Живо столкнулся я съ ними, они начали плавно удаляться»¹.

Можно бы думать, что Шота тутъ пользуется народнымъ месхскимъ достояніемъ, идущимъ изъ армянскаго источника: дѣйствительно, у армянской основы съ грузинской не созвучіе лишь, а полное и семасическое и фонетическое тождество — ღაღ². Возможно, что такое движеніе слова въ самой народной средѣ, именно отъ армянъ черезъ месховъ къ грузинамъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и въ этомъ смыслѣ слово можетъ относиться къ тѣмъ армянскимъ элементамъ въ лексической сокровищницѣ Шоты, которые прошли въ его твореніе съ месхской народной струей³.

И тѣмъ не менѣе ღაღ есть яфетическое по происхожденію слово корня ḡḡ [$< *ḡḡḡ$], и по формѣ (огласовка «а») и по качеству перваго коренного (ḡ) принадлежащее шипящей группѣ: изъ шипящихъ языковъ основу эту сохранилъ чанскій въ составѣ on-ღაღ-и *бить, колотить*, 1-е лицо п. в. b-ღაღ-იფ, аор. m-ღაღ-ი.

Къ первоисточнику шипящей группы можетъ быть отнесенъ глаголь отъ того же корня съ десцибилованнымъ глухимъ t въ качествѣ перваго коренного — (м. tak-აფ-а *броситься, наброситься, сразиться*): г. ше-е-taka «напалъ на него», «столкнулся съ нимъ», хотя та же разновидность корня tk народно имѣется въ грузинской рѣчи и съ родной огласовкой свястящей группы (е): ше-е-teka. Наличныйіи опять въ грузинскомъ эквивалентѣ гла-

ніе одновременно обонхъ звуковъ и ḡ, и ḡ. Требуется по рукописямъ прослѣдить, насколько въ этихъ подробностяхъ правописанія имѣемъ бесспорное преданіе о реальной вполне закономѣрной исторіи группы ḡḡ ($< ḡḡ$) $>$ ḡ въ языкахъ Арменіи. Звукъ ḡ, и въ нашей группѣ, и независимо, даже между гласными, равно въ паузѣ является перерожденіемъ ḡ, такъ что, разъ указанное рукописное преданіе будетъ установлено, мы получимъ развитіе занимающей насъ основы въ послѣдовательности *ღაღḡ- $>$ ღაღḡḡ- $>$ ღაღ (изъ ღაღḡ по ассимиляціи ḡḡ въ ḡḡ). Архетипъ же *ღაღḡ поддержитъ ту первичную трехогласность корня, которая является и другими его разновидностями, въ частности яфетическими (см. ниже, стр. 409 сл.).

¹ შოთა გუგუზს букв. «пріятно плыть».

² Въ народной грузинской средѣ, имерской, образованное отъ этой основы прич. mo-ღაღ-ილ-ი означаетъ въ приложеніи къ *вину*—«порченное»: moღაღილს ḡvino *порченное вино*, букв. «разбитое», «сломанное» (ср. moteqil-ი).

³ П. Марръ, *Грузинская поэма «Витязь въ барсовой шкурѣ» Шоты изъ Рустава и новая культурно-историческая проблема*, ИРАП 1917, 444 сл.

гола съ природно грузинской огласовкой звучит *teqa lomalz*, *билз* (аор. III породы — *ga-tk-da*), съ ассимиляцією же свѣстящей природы — *ḡeḡ-v-a битъ, дробить* (зерно гомъ [*ḡom-1*]), отсюда *sa-ḡeḡ-v-el-1*, сооруже́ние для моты́бы злака гома. Ни **teḡ-a*, ни **ḡeḡ-a*, т. е. безукоризненно точнаго эквивалента занявшаго насъ *ḡaḡ-*, грузинскій языкъ не сохранилъ¹. Формы **teḡa*, да и **ḡeḡa* сохранены лишь съ подмѣной первыхъ коренныхъ (*t*, *ḡ*) эквивалентами шипящей группы (*t*, *ḡ*), первая и въ др.-литературномъ языкѣ *teḡ-a*, и въ живой рѣчи *teḡ-a* со значеніемъ «громовый ударъ», «трескъ», вторая лишь въ живой «вульгарной» рѣчи — *da-e-ḡeḡa сшибся съ нимъ*. Это, замѣтимъ попутно, примѣры для приращенія «случаевъ» изъ грузинской рѣчи, представительницы свѣстящей группы, по гибридивизіи языковой природы.

Языки шипящей группы въ эквивалентахъ перечисленныхъ грузинскихъ словъ даютъ разновидности все той же основы *ḡaḡ-* съ гаммой перерожденія перваго кореннаго на различныхъ ступеняхъ развитія: *t* (> *t*) > *ḡ* > *ḡ*, именно:

а) *taḡ-* (ч. *o-taḡ-u* || м. *taḡ-u-a*)² *ломать, разбивать, раскалывать*;

б) *ḡaḡ-*: ч. *on-ḡaḡ-ul-e*, въ фонетическомъ и морфологическомъ, равно въ матеріально лексическомъ соотвѣтствіи г. *sa-ḡeḡ-vel-1*, по не въ семасическомъ, такъ какъ чанское слово означаетъ не «сооруженіе, resp. посудину для моты́бы гома (*ḡom-1*)», а глиняный сосудъ для сбиванія остатка кислаго молока || для приготовления *пахтанья*³;

¹ Можно бы думать, что съ нашею основою стоятъ въ связи *tiḡ-1-1 ляннѣ*, букв. «ударъ ногой» и *tiḡ-av-a «онъ толкнулъ его локтемъ»*, съ первымъ кореннымъ по шипящей группѣ *tiḡ-av-a* (м. *ḡik-af-a толкать*, г. др.-л. *ḡik-m-a патискъ, напоръ* войска), но и въ значеніи обонхъ глаголовъ слишкомъ ярко выступать связь съ членами гѣла, перваго съ *noiḡ*, втораго съ *rukou* или *loktemz*, чтобы не считать необходимымъ первоначально выяснитъ связь и *tiḡ-1* (|| **tiḡ-1*), resp. *tiḡ-1 ляннѣ*, «ударъ ногой» (Зам. по текстамъ св. Писанія, § 35, XV, II, стр. 277) съ *ḡink-1 «ляганіе обонми ногами»*, и г. *ḡik-av-eba* || м. *ḡik-af-a «толкать локтемъ»* съ *mi-ḡluk-un-1 > mi-ḡlug-un-1 толчекъ* || ударъ *локтемъ*, *ḡhkv-1 > ḡhqv-1* (Беридзе, Глосс., с. v.) *idem*. Это насъ завело бы сейчасъ, къ тому же, далеко въ сторону, съ исторією, во-первыхъ группы *ḡl*, напоминающей лезгинскій рядъ *t > ḡ* въ чередованіи съ *ḡ* и, во-вторыхъ, и одинокаго *ḡ* въ чередованіи съ *h*, г. *ḡhkv-1 (> ḡhqv-1)* || *ḡhkv-1*, что могло бы дать основаніе возникнуть вопросу и о родствѣ основъ *ḡaḡ-* < *ḡaḡḡ* и *baḡ-* < *baḡḡ* (h. *baḡḡ-el битъ*, *baḡ < baḡ-el > babaḡ-el колотить*, ч. *baḡ-uḡ бью, молочу*, м. *baḡ-af-a битъ, ударять* и др.).

² См. ниже.

³ У мегреловъ «молотильное корыто», равно «сарайчикъ съ деревянной посудиною для моты́бы гом-1» называется *o-ḡam-ug-1*, матеріальнымъ эквивалентомъ г. *sa-ḡem-el-1 «вѣсѣмъ или чѣмъ бьютъ»* отъ глагола г. *ḡem-a битъ*; у чановъ то же *o-ḡam-ug-e > o-ḡam-g-o* || *on-ḡam-ug-e «корыто для выбиванія зеренъ и бросаемыхъ въ него кукурузныхъ початокъ»*. В.

с) ту же основу мы еще раньше ожидали бы съ глухимъ начальнымъ согласнымъ въ видѣ {ај-}, чего сами языки шипящей группы не сохранили, если къ ней не возводитъ термина *ma-}{ај-el-а* видъ ружья, буквально въ такомъ случаѣ — «орудіе для взрыва», и съ перерожденіемъ огласовки имѣемъ лишь въ г. {еј-а *время*, какъ то показано выше. Однако эту разновидность въ подлинной формѣ {ај- > }ај- и находимъ усвоенной армянскимъ языкомъ въ основѣ глагола {ај-el *ударить, треснуть, лопнуть* въ народномъ выраженіи *амр }ај-еѳ* «молнія ударила», букв. «облако *треснуло > лопнуло*»¹; ее же имѣемъ и въ грузинскомъ {ај-ин-1 *ударъ* по чему либо.

Еще болѣе поучительна сохранность {ај- въ составѣ грузинскаго удвоеннаго слова {аја-}{иқ-1 *разламываніе въ дребезги, трещаніе* (сырыхъ дровъ при горѣніи), построеннаго по типу повторенныхъ основъ, съ обычной перегласовкой а > и, наблюдаемой въ такихъ армянскихъ образованіяхъ какъ {ајиқиғи и т. п. Представлена у грузинъ та же разновидность и въ формѣ слова {ај-ин-1 «ударъ || стуканіе стакановъ во время тостовъ», «чоканіе».

д) Въ мегрельскомъ однако рядомъ съ {ај-и-а появляются, да, пожалуй, теперь чаще употребительны, во всякомъ случаѣ въ сепакскомъ уѣздѣ, *тегј || тигј > триј*. Объясненіе самихъ формъ принадлежитъ исторіи мегрельскаго языка, гибридизація его морфологическихъ нормъ на почвѣ тѣснаго общенія мегрельскаго племени съ грузинскимъ, что же касается особаго состава коренныхъ, именно излишка въ немъ плавнаго г, то онъ — повидимому, первоначальный, и архетипъ основы въ этомъ полномъ видѣ (триј) долженъ бы звучать по шипящей группѣ — трај- > трақ- (ср. съ диалектической перегласовкой трој- въ ч. *b-троқ-ин ломаюся* и опять съ утратой г — тој въ м. *тој-и-а бить, ударять*): и ее, эту архетипную основу, имѣемъ въ арм. глаголѣ *трақ-el лопнуть, разрываться* съ произношеніемъ и *торақ-el*, даже безъ армянской перестановки группы согл. + гласн. въ группу гласн. + согл. при стеченіи въ началѣ двухъ согласныхъ. Этотъ глаголь смѣняетъ и {ај-el въ приведенномъ уже выше выраженіи *амр }ај-еѳ*, ибо народно же говорятъ и *амр трақ-еѳ* «молнія ударила», букв. «облако *треснуло || лопнуло || разорвалось*».

Гуринъ съ ея окартвеленымъ изъ мегреловъ населеніемъ {а-инг-1 значить то же, что у мегреловъ, слѣдовательно, то же, что г. *sa-}{еј-vel-1*.

¹ Выраженіе обычно для студ. Алиханяна, происходящаго изъ тифлисской армянской среды. Было бы желательно прослѣдить и выраженіе въ цѣлости, и разновидности самого глагола по діалектамъ.

явленій у армянъ и грузинъ, независимое отъ лфетидизма, многочисленны. Ихъ желательно особо собрать и классифицировать. Опять таки у Шоты не мало случаевъ, хотя бы — *turil-1 тонкий* въ значеніи «подробный», какъ у армянъ *man-эг*, напр. 593,2 (изд. Кч):

ჟღერებულე წიგნოვლად გომბობო თუ უბო ჩუენ გჟეეცხებობს
 «Болѣе подробно (*turilad*) еще расскажу тебѣ,
 если будетъ у насъ время»¹.

Aḡakwana, графически — *aḡakwana*, представляетъ собою III-ю породу д. залога глагола — *eḡakwana*, позднѣйшей народной разновидности древнелитературнаго термина, означающаго «билъ челомъ», буквально — «головой землю ударилъ» — *ḡakwanis sḡa* или архаично *ḡav kwanis sḡa*.

Исчезновеніе *v* въ *ḡav голова* комбинаторное ли, при стеченіи съ согласнымъ, или независимое, это вопросъ. Есть нѣкоторые показатели того, что *ḡav голова* и самостоятельно появлялось съ утратой *v* въ видѣ *ḡa*². Въ такомъ видѣ его приходилось слышать въ живой рѣчи также въ составномъ *ḡavamdvil* (изъ *ḡav-pamdvil*) «самый дѣйствительный».

Архаичное произношеніе слова въ памятникахъ церковной литературы *ḡav-kwanis* (графич. -*kwanis*) *sḡa*. Въ этомъ древнелитературномъ выраженіи вскрывается доказательство его не природно грузинскаго происхожденія: ни Д. надежь на *-i-s^гa¹*, ни группа *wa* внутри основы не объяснимы на грузинской почвѣ. При чисто-грузинскомъ составѣ слово должно бы звучать *kanas*, а все выраженіе съ нимъ — *ḡa^гv¹ kana-s^гa¹ sḡa*. Признакъ грузинскаго въ этомъ словѣ лишь раздвоеніе *wa* вм. *o*: въ остальномъ это со^гн¹-ме^гс¹хское слово *kon-1* изъ слоя шипящей группы (ч. *kon-a > ḡon-a > on-a*, м. *ḡon-a*, въ МЗ съ раздвоеніемъ — *ḡwan-a*), и Д. надежь по шипящей группѣ, съ наращеннымъ въ основѣ именьнымъ окончаніемъ (*i*), долженъ былъ звучать и звучитъ въ нашемъ выраженіи *kon i-s > kwani-s*. Терминъ до-картскій, иверской эпохи, восходящій къ діалекту шипящей группы или его слою въ мѣшаномъ съ нимъ языкѣ, напр., со^гн¹-ме^гс¹х-

¹ Кстати, въ значеніи первичномъ «мелкій» г. *turil-1* сочеталось у грузинъ съ основою, общою съ арм.-н. *man-эг*, что дало составной видъ *turil-man-1 мелочь*, случай той уже матеріальной гибридикаціи армянскаго съ грузинскимъ, которая иллюстрирована мною на примѣрѣ съ *kaḡabak-* изъ Шоты (*Грузинская поэма «Витязь въ барсовой шкурѣ» Шоты изъ Рустова и новая культурно-историческая проблема*, ИРАН 1917, 444—445).

² Такъ у Шоты изъ Рустова (Кч 445,1), см. подробнѣе въ печатающейся работѣ моей о надписи Сардура II изъ Ванской экспедиціи 1916 г.

скомъ, въ которомъ слово не имѣло огласовки женскаго окончанія (-а) и звучало kop-1, съ раздвоеніемъ o > wa — kwap-1, и выраженіе ɬav kwamɨ sɬa означало «головѣю¹ землю ударилъ», и то же выраженіе мы видимъ воспроизведеннымъ съ пропущенной, но подразумеваемой частью — «головой» — въ хайскомъ eɬkɨ eɬaɬ, что отнюдь не исходитъ изъ «лобызанія земли», получивъ такое значеніе впоследствии вмѣстѣ съ другими его значеніями, какъ то «поклоняться», «обожать».

Примѣскъ.

Къ положенію дѣла, отмѣчаемому мною на стр. 402 въ прим. 4 по демонологіи въ Евангеліи, любопытную параллель даетъ, по любезному устному указанію С. Ф. Ольденбурга, буддизмъ въ Индіи и другихъ странахъ: съ одной стороны масса заклинателей, очень древнихъ, съ другой — монахи, часто становящіеся, явно, на мѣстѣ старыхъ заклинателей и кудесниковъ и, воспринимая старое (народное), упорядочивавшіе его. И здѣсь имѣются попытки проведенія граней между двумя теченіями. И здѣсь, однако, для правильнаго освѣщенія недостаточенъ культурно-историческій анализъ, необходима работа этнологическая съ этно-культурнымъ подходомъ. Такъ то демонизмъ есть общее явленіе не только территоріально, но и хронологически: «вплоть до половины XIX-го вѣка старая теорія демонизма имѣла чрезмѣрно большое вліяніе на нашу [европейскую] терапевтику. На болѣзнь все еще смотрѣли какъ на существо, которое надлежало изгнать изъ тѣла пациента болѣе или менѣе сильными или прогоняющими (repulsive) средствами. Это недовѣріе инстинкту въ болѣзни исходитъ не отъ медиковъ, а отъ священства (is not medical, but priestly)»¹. Тотъ же этно-культурный подходъ еще въ большей степени необходимъ для выясненія происхожденія сродныхъ явленій въ арійзованной части Передней Азіи, напр. ученія Авесты о вредителяхъ въ Иранѣ. Въ связи съ этимъ, однако, предварительно должны быть изучены многочисленныя заклинанія яфетическаго міра, пока даже неизданныя, но наличныя и въ рукописныхъ

¹ Woods Hutchinson, *The holiness of instinct* (The Monist, 1896, VI, № 4), стр. 493.
Извѣстія Р. А. Н. 1919.

собраніяхъ. Вообще въ вопросѣ объ общихъ явленіяхъ иранской, даже древнѣйшей, съ народными вѣрованіями яфетическихъ народовъ и племенъ, въ частности, напр., хевсуровъ, надо быть осторожнымъ и не торопиться рѣшеніемъ по шаблону возведенія всего на Кавказѣ къ маздеизму, какъ это дѣлалось при совершенно иномъ научномъ горизонтѣ Ковалевскимъ¹, или къ Моисееву закону².

¹ *Законъ и обычай на Кавказѣ*, стр. 92—97.

² Wilke, *Religiöse Gebräuche der Chewsuren*, ср. И. Джавахонъ, Виз. Вр., 1907, XI, отд. отт., стр. 2.